

2 декабря исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося советского поэта, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Александра Андреевича Прокофьева.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», 5 декабря 1980 г.

Владимир БАХТИН

«СТИХИ ВВЕРЯЮТ СЕБЯ ОДНОЛЮБАМ»

Из переписки Александра Прокофьева

Когда я пытаюсь вспомнить Александра Андреевича Прокофьева, я вижу его за письменным столом, в работе. Обдумывая что-нибудь, он любил постоить у окна. И снова за стол.

— Писатель, — не раз говорил он мне, — должен быть многостаночником.

Сам он все время чередовал занятия — переводил, редактировал, писал стихи для детей, готовил рецензии на рукописи и книги. И всегда, всюду — и дома, и в поездках — читал.

В 1959 году вышло первое издание моей книжки о Прокофьеве. Мы познакомились несколько раньше, когда шла корректура, и я пошел к нему уточнить некоторые факты.

В назначенный срок я пришел в Комарово. Мы быстро сблизились и, могу сказать, подружились, хотя между нами была разница в возрасте в двадцать три года. В 1960 году мы вместе ездили по Сибири. Это было время огромного подъема всех душевных и творческих сил поэта. Он без устали работал — в дороге, дома, на даче.

Когда мы приходили к Прокофьеву, он всегда сидел за столом.

Короткий обмен новостями. А затем просьба:

— Давая-ка почтаем письма...

Письма печатались в двух экземплярах. Второй экземпляр Прокофьев отдавал мне и обычно тоже подписывал. Он в шутку называл меня своим биографом, но относился к этому с пониманием и достаточно серьезно.

Прокофьев один письма внимательно прочитывал и перечитывал, другие бегом проглядывал. Людей он знал глубоко и суть дела схватывал сразу. Случалось ему читать: какой вы хороший поэт, как я люблю ваше творчество! А потом: нельзя ли напечатать и мои стихи? На это он не клевал и отвечал разго.

Но большинство писем — просто выплеск души. Никакой корысти за ними не стояло.

Вот письмо начинающего автора:

«Дорогой Александр Андреевич!

Большое спасибо Вам за письмо. И советом не нужно извиняться: я же понимаю, что у Вас много работы, и вообще я не вправе Вам надеяться, а Вы не обязаны мне отвечать. Я уже написала и защитила курсовую. Было много споров. Принимать спорить пришлось два раза: помимо защиты, мой доклад на тему «Лирика Александра Прокофьева» был вынесен на научную студенческую конференцию института. Спор начался после того, как я высказа-

зала мысль, что у многих литераторов существует представление, будто литература — наша твердь, шаг за шагом, движется по пути к реализму. Поэтому считают: все, что реализм, — хорошо, а все, что не реализм, — плохо. Это неверно в том смысле, что литература — слишком сложная и многообразная вещь, чтобы ее можно было втиснуть в одну колею. Этим я хотела подчеркнуть разноречивость реализма и романтизма, блестящим выражением которого является Ваша поэзия. Не все поняли меня правильно. Нашлись и такие, кому нравятся Ваши стихи, но они не признают Ваш метод. Странный народ! Зачем так раздваиваться? В общем, все очень хорошо. Я люблю, когда спорят.

Александр Андреевич, посылаю Вам свои стихи на самую беспощадную критику. Эта критика мне крайне необходима. Я не готовлюсь стать поэтом, зато хочу стать хорошим литератором...

Пожалуйста, не торопитесь с ответом: отпуск существует только для отдыха, но не для разбора стихов.

С дружеским студенческим приветом С. 2.VII.1960».

Из Комарова в Семипалатинск отправилось ответное письмо Прокофьева. Помню, мы долго обсуждали его, спорили. Я, разумеется, хотел вложить в ответ собственную концепцию прокофьевского романтизма. Но Александр Андреевич отнес к очень близкому ему отвлеченный спор и повел речь только о стихах:

«Дорогая С.!

Спасибо за Вашу активную пропаганду моих стихов. Я бы хотел, чтобы Вы прислали мне копию Вашей курсовой работы, если это возможно.

Теперь о Ваших стихах. Они написаны искренне. За ними виден автор, чувствуется его характер. Искренность, вообще говоря, необходимое условие поэтической работы. Но это далеко не единственное условие.

Нужно уметь находить для выражения своих чувств и мыслей наиболее точные, яркие слова и образы. В стихе, в строке не должно быть смысловых пустот, то есть слов, не важных, не работающих на идею.

Я думаю, что «звонкокрылый задор», «людовая пустотелость», «чтоб ярость грелась раскатом», «жаркий полет цветочных дней» и некоторые другие выражения неудачны именно своей неточностью, приблизительностью, стер- тостью.

Александр Андреевич ПРОКОФЬЕВ.

Писет Вам Ваш не знакомый А. Ш. Стоит ли Вас беспокоить, но мне это необходимо. И я думаю, что Вы не обидитесь за мое беспокойство. Дело вот в чем, я пишу стихи, то есть учусь писать. И у меня за два года собралось очень много стихов и три поэмы. Многим они нравятся, не говоря уж обо мне. Даже некоторые советуют отослать в редакцию. Но моя учительница, которая меня обучает в вечерней школе, конечно, посоветовала мне отослать свои стихи любимому поэту, которого я люблю! Вот и решил писать Вам! Поскольку любимый поэт для меня это Вы! Я регулярно выпускаю газету «Правда», в которой публикуются Ваши стихи и т. д. Мне очень нравится Ваш стиль стихов и все, что Вы пишете. Я не знаю почему, но Вы для меня исключительный настоящий идеал. Я страсть люблю Вас и Вашу трудную работу, и Ваши стихи и т. п. ... 27.IV.66. Кировоград».

Прокофьев ответил:

«Дорогой А.!

Очень бы хотел обрадовать Вас, но пока нечем. Для того, чтобы писать стихи, нужно прежде всего быть человеком грамотным, много знающим. Ведь поэт учит других. А Вы пишете: «Хочу познать его октаву»... Это же просто бессмыслица! Видно, что слово «октава» Вам неизвестно.

Итак, мой совет: начинать обучение, а там уж будет видно — есть у Вас призвание к поэзии или нет.

Всего доброго Вам!

Очень скоро от А. пришло новое письмо (с просьбой: «Только прошу, не сердитесь на меня...») и новые стихи.

Прокофьев ответил:

«А.!

Я получил второе Ваше письмо со стихами. Снова хочу прямо сказать Вам: Вы очень плохо знаете русский литературный язык. Неправильных выражений, слов с неправильным ударением в каждом стихе чуть отбавляя. Пока Вы этот рубик не преодолеете, говорить о недостатках Ваших стихов бесполезно. Как не может быть певца без голоса, так не может быть поэта без глубокого знания языка. Подумайте над этим советом серьезно!»

О необходимости знать родной язык, овладевать высотами культуры Прокофьев пишет в своих ответах молодым очень часто.

Еще одно памятное письмо поэту от некой Р. В.

В обращении стояло три восклицательных знака. Письмо было тревожное, нервное, на трех машинописных страницах. Целая исповедь жизни и, конечно, творчества. Прокофьев ответил:

«Дорогая Р. В.!

Трудно мне ответить на Ваше откровенное письмо, но и я стараюсь быть с Вами предельно откровенным.

Вы пишете: меня обвиняют в отсутствии поэтического видения мира (и в конце концов соглашались с этим сами), но никто не хочет видеть политической остроты, значимости Ваших стихов, «политического видения» как. Вы говорите.

Однако вот тут-то и гвоздь всего вопроса: одно не заменяет другого! Полагаю, что людей, стоящих на верных политических позициях, в нашей стране миллионы и миллионы. Но ведь не все же из них становятся поэтами, то есть выявляют свои взгляды в искусстве, в художественном творчестве — каждый занимается тем, к чему он чувствует особую склонность, призвание.

О Ваших стихах я должен сказать, что они написаны рукой очень неуклюжего в литературе человека. Нельзя же рифмовать «они» — «сыны», «сморите» — «портреты», нельзя же так неточно, не по-русски даже, выражать свои мысли: «крики воробитых», не соблюдать поэтических размеров...

Я почувствовал по Вашим стихам, что Вы человек думающий, ищущий, горячий, правильный как говорится. Но одобрить сами стихи, как одобряю Ваш человеческие качества, не могу.

Вот мой ответ Вам.

С уважением 14.III.64».

На моих глазах складывалась литературная судьба нескольких талантливых молодых поэтов, которым помогал, которых ободрял Прокофьев. Вот первое письмо к одной поэтессе — сегодня она уже автор ряда книг, член Союза писателей.

«Уважаемая О. П.!

Вы можете писать стихи. Вам это дано. Остальное все зависит от Вас, то есть от Вашей настойчивости, трудолюбия, от желания быть поэтом, а не остаться дилетантом. Стихи веряют себя однолюбом. И еще говорю Вам — не забывайте про современность!»

В этом завете — весь Александр Прокофьев.

ЛЕНИНГРАД

ИМЕНИ ПОЭТА...

Солнечной и яркой выдалась нынешняя осень. Но в череде погожих дней, пронизанных светом и теплом, вспоминается один особенно яркий — день поездки на Ладогу, в Кобону. Дорога шла вдоль полноводной Невы, холодноватого поблескивающей и величавой даже здесь, среди мягких сельских пейзажей.

Минували легендарный «Невский пятачок» на крутом, неприступном берегу: клочок земли (к нему даже не подходит громкое слово — «пятачок»), за который ценой неимоверных усилий и неисчислимых жертв держался наш десант. Уцелевшие ветераны недавно встречались здесь, перекопали всего один квадратный метр земли на глубину штыка, лопаты и собрали десять килограммов смертоносного, еще не растворенного животворщей землей металла...

А дальше — Дусьево, где располагался когда-то штаб армии, а ныне у поворота на Кобону стоит памятник «Дороге жизни» — грузовик «ЗИС» на пьедестале.

В селе Лагрово — центре Кобонского сельсовета — начинается булыжная старомошечная дорога. Так получился, что сельсовет называется по имени старинного, знаменитого приладожского села, а центр его переместился в более многолюдное Лагрово. Председатель сельсовета Галина Николаевна Кречетова уехала за Кобону, в село Черное — чествовать рыбаков, выполнявших пятилетний план досрочно, хотя с похолоданием воды должна еще пойти самая ценная рыба: сиг, рипус, ряпушка.

Дорога бежит вдоль обмелевшего старого канала, и вот впе-

реди уже виднеется старенькая церковь, а потом открывается все село, свободно стоящее на двух каналах и реке Кобонке, дышащее светом и простором великой Ладоги.

Кобона — родина самобытнейшего русского поэта Александра Прокофьева. Сколько сказано о ней в стихах и прозе! «Литературная Россия» тоже писала об этих прокофьевских пенатах.

Здесь тишина.

Возьми ее, и трогай, И пей ее, и зачерпни ведром, Выходи вечер прямо на дорогу, И месяц землю бермет багом...

Все голубым окутано покоем, И виден день, заброшенный в траву... Выспросите: да где ж это такое? А я не помню и не называю.

Вернее всего, это здесь, где каждый новым днем, как будто впервые, замечает от восторга перед необозримым, рукотворным и первозданным царством воды. Под пронзительно синим небом по берегам каналов и Кобонки барганю кипели обильные рябины, которые под тяжестью небывало щедрых гроздей клонились к самой воде, усталой, рабочей, веками битой и гонимой дицинами, веслами, грёбными вилками, и освещали ее, согревали памятью о прошлом, о летних мажорных закатах. От дома над рекой по тропинке скользила кошка и тут же, недалеко от крыльца, полкала из Кобонки.

Для коренного ладожанина водная стихия — часть подвоя, часть подсобного хозяйства, всей жизни:

Мы молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Молчаливы, А в детстве — ребы, Мы водолюбны, Мы водолюбны...

Росли сероглазы И русоглазы, Из люлек вставали Уже рыболовы!

За мостом выдвинулось двухэтажное здание бывшей школы, которая закрылась совсем недавно — ходить стало почти нелегко, немногие кобонские ребята учатся теперь в Шумской школе-интернате, что вблизи железнодорожной станции Войбокало, но вдалеке от родной Ладоги. Ежегодно здесь устраиваются праздники поэзии, в гости к ребятам приезжают ленинградские писатели, ветераны «Дороги жизни», сотрудники Пушкинского Дома. После общего торжества ученики расходятся по классам, и начинается час поэзии. Прокофьева — у всех, от малышей до старших школьников. Звучат нетусклые строки о Ладоге, русском Севере, небытной России.

Выше туч, раскинутых над морем, Молодых ноней твоих дуг, Триста тысяч дорогих гармоний Выбегают утром на луга.

Мале? И тогда под ветром, Намни, глину, мелкие лес, Грудь морей великих и поющих Подымают и небу голоса.

Но как ни величественны размах, масштабы поэзии Прокофьева, истоки ее здесь — в стоящей на воде Кобоне, когда-то многолюдном селе с двумя лесопильными заводами, рыбачьими промыслами, плясками и песнями, бойкими разговорами и чашечками.

И теперь тут по-прежнему оживленно, а то и шумно, как наярнут дачники, родственники, рыбаки, туристы, грибники, охотники. (В прошлый приезд я попал сюда в день открытия охоты, так спать нельзя было — тишину расколола канонада, как небо над Ладогой содрогалось.)

Но коренных кобонцев осталось совсем мало. Одна из них — заведующая медпунктом Галина Андреевна Прокофьева, жена двоюродного брата поэта — Анота, как любовно называют пожилую женщину односельчане и даже приезжие. Так и спрашивал у соседей — где она? — критик и фольклорист Владимир Бахтин, который приехал в село, чтобы к юбилею пополнить новыми документами, письмами, автографами экспозицию, посвященную жизни и творчеству поэта, размещенную на первом этаже здания бывшей школы, которое теперь передано на баланс Литературного фонда. На втором этаже живут летом и работают ленинградские писатели. Старый сад у школы глотнет и зарастает без прежнего ухода, тепла детских рук. Великая это сила. Вот уже семьдесят лет могучим березам, которые посадили около дома десятилетиями Саша Прокофьев и его дружок Петр Исаков. Ребята сами ухаживали за принесенными из лесу деревцами, и вот они — задушично шумят, гордо красуются. Правда, тоже начали дряхлеть... А недавно умер Петр Александрович Исаков, первый председатель

Река Кобонка, на берегах которой стоит родное село Александра Андреевича Прокофьева.

коллажной артели, который так много рассказывал всем приезжим о друге детства, знал на память множество его стихов. В первую очередь, конечно, эти:

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

друзьями из братских республик. Вот одна из надписей на книге «Почему улыбались звезды»:

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И нет большего чувства, чем тебе за дружбу честную и добрую. Всегда твой, Саша».

«Великому русскому поэту Александру Прокофьеву, с любовью, Александр Корнейчук, 8.XII.60 г. Москва. Дорогой Саша, а все-таки мы с тобой бродяги в этом замечательном мире. И